

Тройная Фреска.

1. Шесть вечера, август в Светлейшей Республике. В чёрных каналах плывёт колокольным гекзаметром звон. Переключка соборов.
Свирепые львы держат каменные фолианты. В оскалах привычное бешенство стражей, века охраняющих город.

Но больше людей. Из них те, кто из мрамора, выглядят много живей, чем туристы со всех концов света, идущие мимо.
Сквозь толщу ударов гексаметра струнные отблески строгих хоралов, живущие за витражами, едва различимы.

Дома из раскрашенного перламутра. Резные фасады, где не протолкнуться и статуям с мраморной мускулатурой.
Внизу гид охрипший флажком подгоняет туристское стадо, и статуи, не повернув головы, на людей смотрят хмуро.

В застывшее нагромождение крыш, где колышутся вскрики зияющих звонниц, вступают басами с надсадом печальным гудки пароходов. Спит в разноголосице город великий, там время, на солнце пригревшись, свернулось тугою спиралью.

День тянется медленно. Тени проносятся над мостовыми, блуждает в распаренном мареве шёпот их многоязычный, от зноя дрожит синевой загрязнённый воздух над ними.
И россыпью света мерцает в Сан Марко фронтон мозаичный.

2. На площади бож из Венеции Северной с мордой раздутой стоит, подбородок задрал, и во рту его плещется песня.
Прищурившись, над головой водит тонкою кистью, как будто собрался расписывать фресками высохший купол небесный.

Вот он достаёт из кармана листок пожелтевшей бумаги.
Взглянул на рисунок, вновь водит по воздуху с остервененьем.
У ног его, лапы поднявши, лежит остроухий дворняга.
Учит, весь обласканный солнцем, и жмурится от наслажденья.

... и вдруг над толпой проступают три светловолосых фигуры,
одетых в тюремные грубые робы. Они неподвижно,
но быстро несутся в свечении венецианской лазури,
о чём-то беседуя между собой. Но звуков не слышно.

Как крылья, торчат за спиною мазки облаков золотистых,
в лице, даже снизу видны, - как у всех, кто прожили на хлебе
с баландою долгие годы, - морщины на коже землистой.
Повёрнуты внутрь зрачки, и вслепую летят они в небе.

Из тысячи глоток крик вырвался. Официанты, поэты,
зеваки из ближних кафе под аркадами зданий старинных
бормочут взахлёб, тычут пальцами в небо с опаской. Что это:
видение или жарой порождённый мираж триединый?

Бьют колокола вразнобой – по кому они бьют? - всё тревожней,
как будто порвалась та нить, на которой был звон их нанизан.
А бомж, протрезвев, вертит кисть, изучает её осторожно.
Отбрасывает, усмехаясь. В лице появляется вызов:

на фреске сокамерники по Крестам. (Над Невой срок мотал там
чуть раньше великий земляк их. Он тоже пронёс тяжеленный
свой крест от Крестов до Светлейшей.)* Психозом, истерикой, гвалтом
крик мечется в площади. Кто-то, не выдержав, встал на колени.

Но бомж видит только воскресших своих. Кверху брюхом всплывает,
мерцающей дохлою рыбою, мёртвая песня. Потом он
легко поднимает ладони и ждёт. Голубиная стая
трепещет обрывками белого ветра. Уже птичий гомон

по улицам вестью благою разносится. В городе парит.
Парит над Светлейшею троица. Пёс заливаётся лаем,
несёт кисть хозяину, смотрит в глаза. А вокруг этой пары
растёт пустота. Заполняет всю площадь от края до края.

Там солнечные контрфорсы на камнях лежат в полудрёме,
начищен плитняк миллионом подошв до слепящего блеска.
Жара истончает тела, превращает прохожих в фантомы,
и площадь - как мутное зеркало, где отражается фреска.

Сгустившийся воздух меж фрескою и площадным отраженьем
становится линзой, чей фокус, где бомж с головою, победно
закинутой к вышним, застыл. И вокруг её свет на мгновенье
сжимается в обруч горящий, но сразу же гаснет бесследно.

Знак святости или орудие пытки. Одно только ясно:
никто из троих его не узнаёт. Или он им не нужен.
Не видят, ну как муравья под ногами. И ждёт он напрасно.

Сомненья растут. Над притихшей толпой низко голуби кружат.

3. ... пока ничего ещё не предвещает грядущих событий.

Но вот пятихвостая молния твердь обожгла над домами,
и гром среди ясного неба раздался. Казалось, в зените
те трое тяжёлую двигали мебель сквозь солнце. Лучами

щетинаясь, лохматые, хищные тучи слетелись на город.
Во тьме исчез бож вместе с верным дворнягой, не сдвинувшись с места,
и трое подельников в небе. Зияющим гулким простором
стал купол, а в центре возник самолёта серебряный крестик

над местом успения их в темноту. Но в иной ипостаси
теперь на другом берегу океана они существуют.

Растут, наливаются жизнью, пытаются себя приукрасить.
Трёхстворчатый стих, затвердев, превращается в Фреску Большую.

* Кресты - тюрьма в Петербурге на берегу Невы. Там в 60х годах сидел И.А. Бродский, он рождён был в Петербурге и похоронен в Венеции.